

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 342–347
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 342–347
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-342-347>, EDN: EOYMNХ

Научная статья
УДК 343.9-055.2(430.119.3)|16|

Женская преступность в Мюнстере в первой половине XVII века

О. В. Чавкина[✉], А. Г. Канаев

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Россия, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89

Чавкина Олеся Викторовна, специалист по учебно-методической работе кафедры всеобщей истории, lesya.chavkina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6919-5686>, AuthorID: 963002
Канаев Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, kanaevs@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1269-8878>, AuthorID: 336738

Аннотация. В статье на основе анализа сохранившихся материалов судебно-следственных дел Мюнстера первой половины XVII в. выявляются особенности женской преступности в городе. Показано, что основными видами женских преступлений были колдовство, детоубийство, кражи. На состояние женской преступности влияли социально-демографические факторы, а также отсутствие материальной и социальной помощи со стороны властей Мюнстера. Формулируется вывод о незначительном, по сравнению с показателями мужской преступности, количестве зарегистрированных в первой половине XVII в. преступлений, совершенных женщинами.

Ключевые слова: раннее Новое время, Мюнстер, история преступности, женская преступность, колдовство, детоубийство, кража

Для цитирования: Чавкина О. В., Канаев А. Г. Женская преступность в Мюнстере в первой половине XVII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 342–347. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-342-347>, EDN: EOYMNХ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Women's crime in Munster in the first half of the XVII century

O. V. Chavkina[✉], A. G. Kanaev

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, 89 Ady Lebedevoy St., Krasnoyarsk 660049, Russia

Olesya V. Chavkina, lesya.chavkina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6919-5686>, AuthorID: 963002
Alexandr G. Kanaev, kanaevs@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1269-8878>, AuthorID: 336738

Abstract. Based on the analysis of the preserved materials of the judicial and investigative cases of Munster in the first half of the XVII century, the article identifies the features of the women's crime in the city. It is shown that the main types of women's crimes were witchcraft, infanticide, thefts. The state of the women's crime was influenced by socio-demographic factors, as well as the lack of financial assistance and the social support from Munster's authorities. The conclusion is made about the insignificant number of crimes committed by women in the first half of the XVII century compared to men.

Keywords: Early modern time, Munster, crime's history, women's crime, witchcraft, infanticide, theft

For citation: Chavkina O. V., Kanaev A. G. Women's crime in Munster in the first half of the XVII century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 342–347 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-342-347>, EDN: EOYMNХ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В настоящее время изучение женской преступности как составной части истории преступности является актуальным для исследователей в различных сферах гуманитарного знания: истории, социологии, философии, криминологии. В зарубежной историографии имеется большое количество статей и монографий, посвященных женской преступности раннего Нового времени в Англии, Германии, Голландии, Италии. В частности, об этом писали в своих трудах английские

исследователи Г. Уокер [1], Дж. Кермод [2], Дж. А. Шарп [3], голландские историки Манон ван дер Хейден [4], С. Мюрлинг [5], немецкие авторы С. Бургарц [6], У. Герхард [7], У. Рублек [8], О. Ульбрихт [9], Г. Шверхофф [10], Р. Ютте [11]. В своих работах зарубежные авторы останавливались на изучении таких вопросов, как социальный и правовой статус женщины, гендерные конфликты в немецком обществе времен Реформации и Тридцатилетней войны, специаль-

но рассматривали преступления, совершаемые женщинами в указанный период, а также поднимали вопрос о гендерных факторах преступности. У. Рублек считает, что в общей статистике преступности были зарегистрированы не все преступления, совершаемые женщинами, причиной чего являлась снисходительная по отношению к женщинам политика уголовных судов того времени [8, р. 45]. По мнению Ж. М. Камп, причины того, что женщины были относительно незначительно представлены в зарегистрированной преступности во Франкфурте раннего Нового времени, связаны с влиянием местных факторов, в первую очередь социальных и правовых норм, моделей девиантного поведения и механизмов социального контроля [12, р. 3]. Другие исследователи, например Г. Уокер и Дж. Кермод, рассматривали возможность использования статистических методов в исследовании при изучении женской преступности раннего Нового времени [2, р. 4]. Ж. М. Камп отмечает, что в Кельне XVI в. общее количество совершенных женщинами преступлений составляло 16% от числа зарегистрированных обвиняемых лиц, а во Франкфурте XVII и XVIII вв. – около 22%, в отличие от таких европейских городов, как Амстердам и Лондон, где наблюдался более высокий уровень женской преступности – около 50% [12, р. 3]. Автор считает, что, кроме количественных показателей, необходимо учитывать и гендерные аспекты преступности [12, р. 5]. Например, С. Бургарц писала, что пол всегда должен быть важным фактором при изучении преступности независимо от статистической доли женщин среди преследуемых преступников. Даже если криминальная статистика с течением времени демонстрировала относительно небольшую представленность женщин, это нельзя трактовать как закономерное, повсеместно распространенное явление, учитывая, что преступления совершались в различных исторических социальных контекстах [6, S. 25–26]. Таким образом, представленные точки зрения весьма неоднозначны в подходах к исследованию женской преступности в период раннего Нового времени.

Помимо изучения женской преступности в целом, зарубежные исследователи Дж. Б. Даррант [13], Э. Роулэндс [14], Р. Дюльмен [15], М. Мойман [16], М. Б. Льюис [17], М. Р. Боес [18], Н. Гроховина [19] рассматривали отдельные, наиболее распространенные преступления, которые совершали женщины раннего Нового времени, такие как колдовство, детоубийство, супружеская измена, кражи.

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что в зарубежной историографии проблема женской преступности в отдельных городах и землях Германии раннего Нового времени недостаточно изучена. Зарубежные исследователи рассматривали женскую преступность на примере таких городов, как Франкфурт-на-Майне

[20], Кельн [21], детоубийство и аборты – Аугсбург [22], колдовство – герцогство Бавария [23]. С. Альфинг, К. Шедензак [24] и С. Лакуа-О’Доннелл [25] в своих трудах изучали повседневную жизнь женщин из разных слоев мюнстерского общества и их девиантное поведение в период раннего Нового времени. М. Витке [26] в своем исследовании рассматривала насильственные преступления, совершенные как мужчинами, так и женщинами Мюнстера, а также сравнивала женскую преступность в городе с тем положением, которое сложилось в сельской местности. Однако комплексной работы, посвященной женской преступности в Мюнстере раннего Нового времени, не удалось обнаружить.

Важная особенность католического города Мюнстера заключалась в том, что он был единственным вестфальским городом, оставшимся не захваченным неприятельскими войсками во время Тридцатилетней войны. В условиях относительно мирной жизни городские власти продолжали осуществлять политику по борьбе с преступностью, в частности – с противоправным поведением женщин. Исходя из этого, на основе анализа сохранившихся судебно-следственных материалов уголовных дел Мюнстера, попытаемся выявить характерные особенности противоправного поведения женщин в этом городе в первой половине XVII в.

Изучение сохранившихся материалов дел Мюнстера позволяет заключить, что в первой половине XVII в. из всех зафиксированных в нем преступлений более 86% были совершены мужчинами и около 14% – женщинами.

Все преступления, совершенные женщинами Мюнстера в это время, можно разделить на 4 основные группы: религиозные (колдовство, кража церковного имущества), преступления против нравственности (блуд, прелюбодеяние), преступления против личности (непредумышленное убийство, детоубийство), имущественные преступления (кражи, приобретённые краденые, мошенничество). Более подробно остановимся на рассмотрении наиболее часто упоминаемых в судебной практике преступлений, совершаемых женщинами – колдовстве, детоубийстве и кражах.

Наиболее тяжким деянием в иерархии преступлений является колдовство, относившееся к группе религиозных преступлений. В первой половине XVII в. власти проводили активную политику по преследованию ведьм, что подтверждается архивными источниками Мюнстера. Как отмечает С. Альфинг, власти были заинтересованы в поимке и наказании «козлов отпущения», поскольку их было легче обвинить во всех несчастьях и бедствиях, происходивших в городе, и обосновать необходимость бороться с ними как с источниками зла [27, S. 6–7]. С. Альфинг приводит статистику преследуемых и казненных за колдовство в Вестфальском регионе в период

раннего Нового времени. Так, например, в Оснабрюке в 1538–1669 гг. количество преследуемых составило 90 чел., из которых 53 чел. были казнены; в Миндене в 1603–1648 гг. было казнено 126 чел. [27, S. 21]. По оценкам Дж. Б. Дарранта, в Айхштете с 1590–1631 гг. казненные за колдовство составили 240 чел., в том числе 211 женщин и 29 мужчин [13, р. 14]. В центральной Германии в г. Бюдинге между 1532 и 1699 гг. в колдовстве обвинялись 485 чел., из которых 400 были казнены [28, S. 76].

В общей сложности с 1616 г. по 1644 г. судебными органами Мюнстера было рассмотрено 8 случаев о колдовстве, в отношении 7 женщин и 1 мужчины.

Как можно заметить, количество дел о колдовстве в Мюнстере было значительно меньше, чем в городах Баварии, Гессена и в Северной Вестфалии в раннее Новое время. Данная тенденция, на наш взгляд, объясняется тем, что в период Тридцатилетней войны Мюнстер был более благополучным и социально стабильным в отличие от других городов Германии, поэтому у власти не было насущной необходимости искать виновников во всех несчастьях, происходивших в городе. Это косвенно подтверждает тот факт, что Мюнстер стал одним из мест проведения переговоров о заключении мира по окончании Тридцатилетней войны.

Для того чтобы понять причину столь незначительного количества рассмотренных дел и вынесенных по ним смертных приговоров (всего двух), обратимся к сохранившимся архивным материалам.

Анализ судебно-следственных дел позволяет констатировать, что подозреваемые женщины в основном обвинялись в том, что совершали колдовство (*Zauberei*), а именно травили животных (лошадей, овец) и домашнюю птицу хозяев, у которых они работали, околдовывали и травили ядом детей, обучали своих родных этому ремеслу, например, Анна цур Штайнхерст учила колдовать своего внука Эрнеста Пальсеркампа [29]. Участие подозреваемых в шабаше ведьм в источниках практически не упоминается, за исключением дела Анны цур Штайнхерст (1619 г.) [29].

Возникает вопрос: с чем были связаны обвинения в колдовстве? Обращаясь к материалам судебных дел, можно сказать, что именно родственные связи послужили толчком для возбуждения судебного разбирательства. Совет Мюнстера, проводя допрос без применения пытки, спрашивал у подозреваемых об их социальном положении, о родственниках (привлекался ли кто-нибудь из членов их семей к ответственности за колдовство). В материалах судебного процесса нередко встречались случаи, когда женщину подозревали лишь потому, что ее отец был сожжен за колдовство (дело Катарины Шевентруп,

1616 г.) [30], а также потому, что братья или сестры занимались этим «ремеслом».

Анализ материалов судебно-следственных дел позволяет сделать вывод о том, что женщины, подозреваемые в колдовстве, по своему социальному статусу относились к низшим слоям населения Мюнстера. В большинстве случаев они работали горничными в домах своих господ. По статистике около 50% ведьм – женщины в возрасте 28–35 лет и 50% – в возрасте старше 50 лет. Стоит отметить, что по семейному статусу женщины-преступницы, как правило, были одинокими либо овдовевшими (дело Анны цур Штайнхерст) [29]. Поскольку женщины не имели необходимого для существования достатка, находились на грани нищеты и к тому же были одинокими, они становились потенциальными жертвами преследования.

Стоит отметить, что расследования и сами процессы проводились Советом Мюнстера достаточно тщательно, четко регламентировалась их процедура, подробно разбиралось каждое дело, выслушивались показания свидетелей, которые в дальнейшем подвергались проверке на достоверность изложенных фактов, перед тем как выносилось окончательное решение по делу. В связи с этим можно предположить, что именно тщательное рассмотрение дел судьями могло приводить к замене смертной казни изгнанием из города (дело Катарины Шевентруп) [30], а также было причиной относительно малого количества дел.

Анализ судебной практики позволяет предположить, что город Мюнстер в раннее Новое время не был местом массовых преследований и казней ведьм в силу исторических особенностей и четкой регламентации процедур, проводимых Советом Мюнстера.

Не менее тяжким, чем колдовство, было детоубийство (*Kindesmord*), совершаемое в основном женщинами. Проанализировав сохранившиеся материалы уголовных дел Мюнстера, можно сказать, что за первую половину XVII в. было зарегистрировано 3 случая. В отличие от Мюнстера, где количество дел о детоубийствах, рассмотренных судами за указанный период, оставалось очень низким, в других городах Германии данное преступление жестоко преследовалось. Например, в Вюртемберге между 1600 и 1659 гг. было зарегистрировано 55 случаев детоубийства [8, р. 192], а во Франкфурте-на-Майне между 1562 и 1696 гг. зарегистрировано 23 случая [12, р. 203]. С. Лакуа-О? Доннелл считает, что на столь низкие показатели уголовных дел в Мюнстере благотворно влияли решения Тридентского собора, сделавшие положение женщин более безопасным, поставив брачные обеты выше секса [31].

Анализ сохранившихся материалов уголовных дел Мюнстера первой половины XVII в.

позволяет констатировать, что детоубийство в основном совершалось женщинами с низким социальным статусом. По обвинению в детоубийстве чаще всего привлекались женщины, работавшие по найму в качестве прислуги (горничных). Не менее важной характеристикой личности женщины-детоубийцы являлось ее семейное положение. Изучение судебной практики показывает, что детоубийство, как правило, совершали одинокие, незамужние [32, с. 9] или овдовевшие женщины. Стоит отметить, что во всех трех случаях причиной, толкавшей женщину на убийство своего ребенка, было чувство одиночества, проявлявшееся в отсутствие социальной и материальной поддержки со стороны близких родственников или отца ребенка. Анализ сохранившихся материалов уголовных дел Мюнстера первой половины XVII в. подтверждает точку зрения С. Лакуа-О' Доннелл о том, что власти Мюнстера не предлагали никакой социальной помощи матерям-одиночкам. Единственной альтернативой для этих женщин было обращение в суд с требованием выплаты алиментов. Но открыто заявлять об этом было большим риском, поскольку они были бы уязвимы для обвинений в безнравственности [31].

Исходя из материалов судебной практики Мюнстера первой половины XVII в., можно назвать следующие способы избавления от младенцев: удушение (дело Адельхайд цу Бринтруп, 1622 г.) [31], убийство ударом ножа по горлу новорожденного ребенка (дело Эльзы Люлесман, 1627 г.) [33] и утопление (дело Анны Штумме, 1643 г.) [34].

Таким образом, можно предположить, что незначительное количество дел о детоубийствах, рассмотренных судебными органами Мюнстера за первую половину XVII в., было связано с сохранявшимися традиционными устоями общества, нормами морали, на поддержку которых в католическом городе влияли и решения Тридентского собора. Однако, как свидетельствует анализ судебной практики Мюнстера, 3 случая детоубийства все же были зафиксированы в архивных делах за указанный период, что позволяет предположить, что должная социальная поддержка, оказываемая светскими властями женщинам, принадлежавшим к низшему классу, отсутствовала. Поэтому детоубийство для женщин, совершивших это преступление, продолжало оставаться единственным способом сохранить свое профессиональное положение как прислуги и иметь возможность в будущем вступить в брак.

Одним из наиболее опасных имущественных преступлений, посягавших на основы существования мюнстерского общества, являлась кража (*Diebstählen, gestohlen*). Как отмечает Ж. М. Камп, кражи во Франкфурте 1600–1806 гг. в основном совершали женщины – 83% [12, р. 96] по причине социально-экономической

нестабильности в городе [12, р. 154]. Анализ сохранившихся материалов дел Мюнстера первой половины XVII в. показывает, что за данный период зарегистрировано 7 случаев краж, совершенных женщинами, и 38 – мужчинами. Причины, толкавшие женщин на путь воровства, в источниках Мюнстера не указаны. Стоит сказать, что осужденные женщины Мюнстера за данный период в большинстве случаев не были замужем, не были интегрированы в городские социальные структуры, принадлежали к низшему классу и работали горничными. Можно предположить, что для таких женщин воровство было способом выживания, а в некоторых случаях даже являлось профессиональным ремеслом (дело Лизабет Кенигс, 1618 г.) [35]. Необходимо отметить, что чаще всего данное преступление совершали члены семьи, например, мать и сын, отец и дочь, супруги. Что касается предмета краж, то анализ судебной практики Мюнстера первой половины XVII в. свидетельствует о том, что женщины, как и мужчины, чаще всего крали лошадей, одежду и домашнюю утварь. Следует подчеркнуть, что данным «ремеслом» женщины, в отличие от мужчин, как правило, не занимались постоянно. В судебной практике Мюнстера за указанный период известно лишь 2 случая, когда женщина вместе с мужчиной неоднократно совершала кражу. В случае рецидива к женщине применялось менее мучительное наказание в виде смертной казни через обезглавливание, в то время как мужчина приговаривался к позорной смертной казни через повешение (дело Катарины Вилькенс, 1617 г.) [36].

Таким образом, можно предположить, что незначительное количество дел о кражах, рассмотренных судебными органами Мюнстера за первую половину XVII в., связано с тем, что в основном преследованию подвергались мужчины, поскольку они не были ограничены домашней сферой, как женщины, и не подвергались контролю со стороны домовладельца. Зачастую, если женщины и воровали, то делали это под влиянием одного из членов семьи: отца или супруга, хотя и для собственных нужд.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что самыми распространенными женскими преступлениями в землях Германии, в том числе в Мюнстере, в раннее Новое время являлись колдовство, детоубийство и кражи. Анализ сохранившихся материалов дел Мюнстера первой половины XVII в. позволяет заключить, что женщины Мюнстера совершали гораздо меньше преступлений, чем мужчины, что соответствовало общегерманской тенденции. Можно предположить, что данная тенденция относительно незначительного количества рассмотренных дел судебными органами в отношении мюнстерских женщин, по сравнению с другими городами Германии, связана, во-первых,

с историческими обстоятельствами, определявшими роль женщины в мюнстерском обществе; во-вторых, с качественной и тщательной работой судебной системы Мюнстера; в-третьих, со степенью господства патриархальных устоев в обществе; в-четвертых, с влиянием на женщину общественного мнения. Однако, несмотря на наличие сдерживающих факторов, некоторые женщины все же были активно вовлечены в преступную деятельность. Следует отметить, что совершение мюнстерскими женщинами преступлений в большей степени зависело от социально-демографических особенностей личности, а также отсутствия материальной и социальной поддержки со стороны органов власти Мюнстера. Как показывает анализ судебной практики Мюнстера первой половины XVII в., преступления преимущественно совершали одинокие, незамужние или овдовевшие женщины, принадлежавшие к низшим слоям населения, которые работали горничными, за исключением одного случая (церковной кражи), когда преступницей была представительница духовенства (монахиня монастыря) [37].

Таким образом, количественные и качественные особенности женской преступности в Мюнстере находились в прямой зависимости от исторических, социально-психологических изменений, происходивших в обществе, а также зависели от социально-демографических характеристик личности (возраста, социального статуса, профессии, материального положения, состояния семейных отношений), что позволяет нам сказать, что данный вид преступности являлся сложившимся и неотъемлемым элементом преступности в целом в Мюнстере в первой половине XVII в.

Список литературы

1. Walker G. Crime, Gender and Social Order in Early Modern England. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 310 p.
2. Kermode J., Walker G. Women, Crime and the Courts in Early Modern England. London : University of North Carolina Press, 1994. 216 p.
3. Sharpe J. A. Crime in Early Modern England 1550–1750. London ; New York : Routledge, 2014. 296 p.
4. Heijden M. van der. Women and Crime in Early Modern Holland. Leiden ; Boston : Brill, 2016. 194 p.
5. Muurling S. Everyday Crime, Criminal Justice and Gender in Early Modern Bologna. Leiden ; Boston : Brill, 2021. 254 p.
6. Burghartz S. «Geschlecht» und «Kriminalität» ein «fruchtbares» Verhältnis? // Weiblich-männlich: Geschlechterverhältnisse in der Schweiz: Rechtsprechung, Diskurs, Praktiken / hrsg. J. Rudolf, B. Studer. Zürich : Chronos, 1995. Bd. 13. S. 23–31.
7. Gerhard U. Frauen in der Geschichte des Rechts: von der frühen Neuzeit bis zur Gegenwart. München : Beck, 1997. 960 S.
8. Rublack U. The Crimes of Women in Early Modern Germany. New York : Oxford University Press, 1999. 292 p.
9. Von Huren und Rabenmüttern: weibliche Kriminalität in der frühen Neuzeit / hrsg. O. Ulbricht. Köln : Böhlau Verlag, 1995. 336 S.
10. Schwerhoff G. Historische Kriminalitätsforschung. Frankfurt ; New York : Campus Verlag, 2011. 234 S.
11. Jütte R. Geschlechtsspezifische Kriminalität im Späten Mittelalter und in der Frühen Neuzeit // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanistische Abteilung. 1991. Bd. 108, H. 1. S. 86–116.
12. Kamp J. M. Crime, Gender and Social Control in Early Modern Frankfurt am Main. Leiden ; Boston : Brill, 2020. 348 p.
13. Durrant J. B. Witchcraft, Gender and Society in Early Modern Germany. Leiden ; Boston : Brill, 2007. 316 p.
14. Rowlands A. Witchcraft Narratives in Germany: Rothenburg, 1561–1652. Manchester ; New York : Manchester University Press, 2003. 248 p.
15. Dülmen R. van. Frauen vor Gericht: Kindsmord in der frühen Neuzeit. Frankfurt/Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1991. 155 S.
16. Meumann M. Findelkinder, Waisenhäuser, Kindsmord in der Frühen Neuzeit: Unversorgte Kinder in der frühneuzeitlichen Gesellschaft. München : Walter de Gruyter, 2014. 456 S.
17. Lewis M. B. Infanticide and Abortion in Early Modern Germany. London : Routledge, 2016. 216 p.
18. Boes M. R. Crime and Punishment in Early Modern Germany: Courts and Adjudicatory Practices in Frankfurt Am Main, 1562–1696. London ; New York : Routledge, 2016. 296 p.
19. Grochowina N. Geschlecht und Eigentumskultur in der Frühen Neuzeit // Comparativ. 2005. Bd. 15, H. 4. S. 7–20.
20. Kamp J. M. Female crime and household control in early modern Frankfurt am Main // The History of the Family. 2016. Vol. 21, № 4. P. 531–550.
21. Schwerhoff G. Geschlechtsspezifische Kriminalität im frühneuzeitlichen Köln. Fakten und Fiktionen // Von Huren und Rabenmüttern: weibliche Kriminalität in der frühen Neuzeit / hrsg. O. Ulbricht. Köln : Böhlau Verlag, 1995. S. 83–115.
22. Lewis M. B. Infanticide in Early Modern Germany: the experience of Augsburg, Memmingen, Ulm, and Nordlingen, 1500–1800. Charlottesville : University of Virginia, 2012. 390 p.
23. Behringer W. Witchcraft Persecutions in Bavaria: Popular Magic, Religious Zealotry and Reason of State in Early Modern Europe. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2003. 504 p.
24. Alfinig S., Schedensack C. Frauenalltag im frühneuzeitlichen Münster. Bielefeld : Verlag für Regionalgeschichte, 1994. 312 S.
25. Laqua-O'Donnell S. Women and the Counter-Reformation in Early Modern Münster. Oxford : Oxford University Press, 2014. 214 p.

26. Wittke M. Mord und Totschlag?: Gewaltdelikte im Fürstbistum Münster, 1580–1620: Täter, Opfer und Justiz. Münster : Aschendorff, 2002. 356 S.
27. Alfing S. Hexenjagd und Zaubereiprozesse in Münster Vom Umgang mit Sündenböcken in den Krisenzeiten des 16. und 17. Jahrhunderts. Münster ; New York : Waxmann, 1994. 223 S.
28. Schulte R. Hexenmeister. Die Verfolgung von Männern im Rahmen der Hexenverfolgung von 1530–1730 im Alten Reich. Kieler Werkstücke. Reihe G: Beiträge zur Frühen Neuzeit, Bd. 1. Frankfurt/Main : Lang, 2001. 308 S.
29. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 87 (02.03.1619). URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 23.01.2024).
30. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 27 (1616). URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 23.01.2024).
31. Laqua-O'Donnell S. Sex, honour and morality: About the precarious situation of servant girls in post-Tridentine Münster // *Mélanges de l'École française de Rome*. 2016. № 128–2. URL: <https://journals.openedition.org/mefri/2590?lang=it> (дата обращения: 23.01.2024).
32. Канаев А. Г., Чавкина О. В. Историко-антропологическое исследование женской преступности в Германии раннего Нового времени (на примере детоубийства) // *Современная научная мысль*. 2022. № 2. С. 6–10. URL: <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2022-2-6-10>
33. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 263 (1627). URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 23.01.2024).
34. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 135 (10.02.1643). URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 23.01.2024).
35. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 31 (1618). URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 23.01.2024).
36. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 179 (1617). URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 23.01.2024).
37. StdAMs, Gerichtsarchiv, BII Acta Criminalia Nr. 215 (1602). URL: <https://www.archive.nrw.de/archivsuche> (дата обращения: 23.01.2024).

Поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 01.03.2024; принята к публикации 12.04.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 01.03.2024; accepted for publication 12.04.2024; published 30.09.2024